

Александр Нестругин

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

**И БУДЕТ РЕЧЬ УПРЯМОЙ
И... ПРЯМОЮ**

Александр Гаврилович Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончил юридический факультет ВГУ. Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «На любителя. Русский литературный журнал в Атланте» и других. Автор девяти книг поэзии и прозы. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце», конкурса им. С. Есенина, премии «Родная речь» журнала «Подъём». Награжден медалью В.М. Шукшина. Живет в райцентре Петропавловка Воронежской области.

Хорошо, когда поэт не ограничивает себя охотой за удачной строчкой и больше ничем не интересуется в жизни. Замечательно, когда у настоящего поэта есть и другая, не менее глущая страсть. Например, рыбалка. А почему бы и нет! Да еще если ты живешь на Дону! А в полтора сотнях верст от тебя, ниже по течению великой русской реки, — знаменитая на весь мир станица Вешенская. А какой был заядлый рыбак Шолохов, тут все знают... И когда обе страсти умещаются в одной душе, живут биением одного сердца, тогда и клюет лучше, и добротная строка золотой рыбкой сама плывет в авторские сети. Главное — чтобы жизненного дыхания хватало.

Поэту Александру Нестругину, которому недавно исполнилось 70 лет, такого дыхания хватает. Знаю это не понаслышке, еще со студенческих лет, с Дней поэзии ВГУ. Однажды мы, начинающие стихотворцы-студенты, рядом стояли на сцене университетского актового зала и вместе со столичными знаменитостями и воронежскими поэтами читали свои ученические опусы. Не по годам серьезный юноша — будущий юрист — уже тогда представлялся мне человеком цельным. Александр знал, для чего он здесь, на этой сцене. Он был упрямым, готовым, если что, плыть против течения. И он плыл, когда было нужно. Через сомнения и раздумья хранил глубоко в сердце неподдельную страсть к русскому слову и одно-

временно честно, профессионально служил своей Фемиде. К сожалению или к счастью, в постсоветский период это стало типичной жизненной ситуацией для любого талантливого поэта: как соединить в себе работу, должность, карьерный рост, элементарное материальное благополучие и параллельно полноценно заниматься творчеством, в данном случае, стихами, которые, по меткому и горькому признанию Анатолия Жигулина, «...к сожалению, не кормят. / Только поят, / И то не всегда». Надо сказать, в таком амбивалентном состоянии есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, серьезное увлечение поэзией не давало автору «выгорать» в профессии юриста, а с другой — ты постоянно должен быть готовым стать «священной жертвой Апполона / В заботах суетного света», о чем некогда писал А.С. Пушкин.

А. Нестругин, по его же выражению, «как терен-необструга», терпеливо ждал, «когда придет черед» и того, и другого. Он научился жить в таком диапазоне, в такой житейской и нравственной парадигме, когда профессиональный «черед» естественным образом менялся на поэтический «черед» и наоборот, а то и шел одновременно, пересекаясь либо скручиваясь в единую, неразрывную нить бытия. Поэт прорывался сквозь «... Уголовные дела / Протоколы да повестки...» на страницы газет и журналов, терзаясь от раздвоенности: стишки — разве это серьезное дело для прокурорского работника или судьи?! Обязательно ведь найдутся ревнители профессиональной чистоты: «Вольно Вы или невольно / Но роняете престиж...» Но что мог поделаться с собой молодой юрист-стихотворец, томясь в душном кабинете, когда «...в потертой папке этой — / Ветер... Можно подышу?..», когда «Дождь ли в липах прошумит, / Чиркнет желтый лист о крышу...», а сердце все это слышит, откликается и щемит? Завидная концентрация духа и умение жить в сложившейся «поочередности» позволили А. Нестругину довольно рано достичь успехов в поэтическом творчестве. Признания шли друг за дружкой: молодой лауреат премии Воронежского комсомола имени Василия Кубанева, первая книжка стихов «Два голоса» в столице в 1988 году, поэтические подборки в журнале «Подъём»...

После окончания ВГУ мы разъехались по разным районам области. Долгие годы не виделись, но я всегда ревностно и с огромным интересом следил за творчеством своего университетского собрата по перу, даже на большом расстоянии по-прежнему ощущая нашу духовную близость и поколенческое родство. В начале восьмидесятых годов прошлого века я перебрался в Воронеж, работал в областной газете «Молодой коммунар», а после развала Советского Союза — в комитете по информации и печати. Это давало мне возможность колесить по всей области. Тогда-то после многолетнего перерыва вновь возобновилось наше общение. Иногда обменивались книжками. Помню неопишуемую радость от Шашиного подарка — сборничка стихов с теплым, солнечным названием «Еще цветет кипрей...». В нем было все таким близким мне, родным, милым, среди чего и сам вырастал: река, луга, степь, простор... Иногда мы позволяли побаловать себя стихотворными посвящениями, чаще — шутивными, реже — серьезными. Не вспомню, по какому конкретному случаю, но в 2007 году написал и отправил ему по электронной почте:

Саня Нестругин — живая душа,
Совесть и слово глубинки.
Против течения гребет, не спеша,
Не оборвав паутинки.
.....
Саня Нестругин — судья и поэт.
Совесть и слово — как весла.
Против течения — любовь и рассвет,
Годы, надежды и весны.

Про течение и весла в посвящении — не случайно. Вся поэзия Александра Нестругина — это сыновья песнь великой русской реке. Дон в стихах поэта — не только образ, не только метафора, это — жизнь, целая философия. Это — самый главный лирический герой его поэзии. В конце концов, Дон — это и сам автор: с мощной, как у былинной реки, энергетикой; с глубинным взглядом на мир; с неукротимым, как донское течение, напором будоражащих дум и чувств. Потому я и не удивляюсь, что одну из своих (и, признаюсь, самых любимых для меня) книг поэт так и назвал — «Река». Коротко, емко и честно. У нестругинской поэтической реки нет плотин, запруд и берегов, а есть целый и неделимый поток настроений и раздумий; там — душа и совесть, а еще — благодарность своей главной Реке. Дон незримо живет у поэта почти в каждом стихотворении. Живет весной, летом, осенью, зимой. В ледоход и первоцветье, в летний жар, в осенний листопад и в дни зимнего покоя... И — когда душу переполняют счастье и радость... И — когда сердцу грустно и тягостно... У Александра Нестругина есть лирический цикл «С рекой. Заметки», где каждому месяцу года отдельно посвящено небольшое стихотворение. Мне эти поэтико-фенологические зарисовки очень нравится удивительной человеческой простотой и нежностью, искренней любовью к малой родине, душевной открытостью и необыкновенно сочной пейзажностью. И когда поэт пишет: «Я дома здесь...», я ему верю, и я его понимаю; и даже такие незамысловатые строки «Привет вам, плесы да излуки, / Привет, родные омутки!» в контексте цикла воспринимаются как квинтэссенция, как неотъемлемая часть общей философии любви автора, ради чего он и взялся за перо. Цикл «С рекой. Заметки» — вещь, можно сказать, программная для поэта и вневременная, хотя написан был в далеком 1991 году. С того момента прошли годы, десятилетия; страна поменяла название, политический и общественный строй; трансформировались власть, идеология, ценности. А Дон как несвойственные воды, так и не сет. По его берегам как распускаются красноталы и черноклены, так и распускаются. Стремнина как завораживала зоркий глаз поэта и рыбака А. Нестругина, так и завораживает.

Как-то в 2010 году в разгар знойного июньского полдня мне надо было срочно переговорить с Александром. Позвонил несколько раз на мобильник — вне зоны доступа. Тогда набрал домашний номер. Супруга сказала, что он на рыбалке, связь там не берет, перезвоните вечером. Не знаю почему, но мне вдруг стало грустно от несостоявшегося телефонного общения, будто в этот жаркий день накрыла пустота.

Поэт уехал на рыбалку,
Поэт сегодня — выходной.
Он на груди не рвет рубаху
И за строкой не лезет в бой.
Поэт устал от нервотрепки,
Копанья в собственной душе.
Он в ожиданье красноперки
Застыл, как цапля, в камыше.
Июньский жар над сизой балкой
В тщете ленивой ищет тень...
Поэт уехал на рыбалку —
И мир взгрустнул на целый день.

Река по-прежнему окормляет поэта, хранит от суетного и преходящего, спасает, выражаясь строкой И.С. Тургенева, «...Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий...» А сомневаться и раздумывать есть над чем. Если в молодые творческие годы, чтобы ощутить себя счастливым, автору достаточно было пробраться через дебри уголовных дел, «...Протоколы да повестки...» к свежему дыханию

ветра, то сегодня это и по возрасту не актуально, и по жизненному опыту, который накоплен за десятилетия с момента написания того лирического признания. Нестругинская река — носительница вековой памяти — подталкивает к новым творческим горизонтам, смещает вектор поэтического зрения. За плечами — долгая жизнь, багаж обретений и потерь, возможность сравнивать и осмысливать. Не случайно в последние годы автор все чаще и чаще оборачивается назад, в свое советское прошлое — поруганное, оплеванное, оболганное врагами и недругами, заблудшими и обманутыми. И как бы в недоумении обращается к нам: оглянитесь и вы, задумайтесь, все ли мы сделали так, не ошиблись ли, обратившись в отказников, когда обрекли на сиротство «век отцовский», наших престарелых родителей, наши детство и юность.

...Да, там махала партбилетом
Едва ль не каждая строка.
И в этом мало было прока...
И скопом их смахнули в грязь,
И скопом растоптали строки,
Где Русь Великою звалась.

В такие горестные минуты раздумий поэту нужен диалог, ему важно видеть рядом того, кто его понимает, кто разделяет с ним его мысли и настроение. Ведь он обращается к прошлому не из любопытства, не из хулы или хвалы ради, а чтобы уберечь себя и других и не повторить ошибку в настоящем и будущем. Вот как это звучит в стихотворении «Ровеснику»:

В былом нам главнее — не распри, не спор:
На щит свой сумели
Поднять мы Отчизны отвагу и скорбь
В отцовской шинели.
Лишь вместе мы — отчее слово, народ,
Взмах памяти острой,
И отблеск ее: «Коммунисты, вперед!»,
И «Братья и сестры!..»
И мы для иных, непристрастных времен
Запомнить сумеем:
И знаменем красным наш век осенен,
И крестным знаменем.

Накладывая день нынешний на день вчерашний, поэт теперь идет к своей реке — к Дону — не просто заядлым рыбаком, не прежним вдохновенным стихотворцем-созерцателем окрестных красот, а как трибун, боец-публицист и мыслитель, чье неравнодушное сердце остро реагирует на путину накопительства и рвачества. И если раньше ему «...Просевших льдов и праздничных “пушков” / В обветренных ладонях краснотала / И молодой воды излук хватало!», то теперь этого мало, недостаточно. Изжиты язвы прошлого, но на их месте образуются язвы настоящего:

«Время успешных...»
Да полно вам врать,
Ложь под ответ подгоняя в примере.
Вольную волю не выкупит раб,
Златом прикованный к личной галере.

Читая нестругинские стихи последних лет, особенно те, которые отобраны по этому для сборника «Упрямая речь», невольно вспоминаешь знаменитую некра-совскую строчку: «Выдь на Волгу: чей стон раздастся...» В случае с Александром Нестругиным говорить о стоне не приходится, но то, что образ реки поэта с годами обретает отчетливый социальный рисунок, заметно:

И глубины, и мель,
Как неслышимый ропот,
Густо выбелит бель,
Щучий выстелет опад.
В горле стала комком
Жалость — слюни да сопли.
Обреченным мальком
Пульс мой бьется — до сотни.
Может, так и народ
Белью выпадет, белью?
Совести кислород
Выжигается гнилью!

Хочется спросить себя: поворот от пейзажного к социальному — хорошо это для автора или плохо? И хочется самому себе ответить: это — закономерно! Зрелая душа поэта Нестругина вмещает в себя больше жизни, ее оттенков, замысловатых ответвлений и всяческих житейских и философских наслоений. Она, как и воспетая им же река, чем дальше от истока и чем ближе к устью, тем полнее питается большими и малыми притоками, рождает по ходу течения затоны и усынки, старицы и озерца, создавая неповторимую духовную и социально-нравственную экосистему.

Здорового творческого упрямства Александру Нестругину на избранном пути не занимать, ибо главным учителем для него в жизни был и остается батюшка Дон:

Снова волдыри натер...
Выгребать на ветер — мука.
«А ведь мог купить мотор!» —
Горько жалею кому-то.
И сижу на берегу.
Остываю. Оживаю.
«Выплыл... И еще смогу!» —
Морщась, кулаки сжимаю.

После таких строк как не поверить, что и название последней книги «Упрямая речь» у автора симптоматично, где «речь твоя, как ветвь / Расправится упрямо... / И будет всем ветрам — / Ветвями и травой. / И, как ее не правь, — / Упрямой. И — прямою».

Иван ЩЁЛОКОВ

* * *

Уходит праздное и броское —
И цвет чужой, и ткань, и край.
Свое, немаркое и ноское,
Уже, сомкнув, равняет строй.

Потертое, с перелицовкою,
Судьбой чиненное не раз,
То — материнское, отцовское,
Что слишком долго ждало нас.

Обноски, рвань? — мы крепко спорили,
Мутили очи страсть и злость.

Теперь одна забота — впору ли
Нам неминуемое пришлось?

Нервущееся, нелиняющее,
Чуть незнакомое пока.
...И — сохраненные до случая
Победы алые шелка!

ЗНАМЕНИЕ

Пора порухи и туги.
Из розни выросли проклятья.
И вот уже — враги, враги,
Враги, враги — родные братья!

Не черепки уже, не спор
Горшка рязанского с макитрой.
И насмерть бьются триколор
Над Русью — и жовто-блакитный.

Бои! — под Харьковом бои,
Бои в Рубежном и в Попасной.
И женщина, шепча: «Свои!»,
К чужим выходит
С флагом красным...

* * *

Роняет желуди июль —
Ну да, не в срок, но так бывает...
И звук паденья задевает,
Как будто звук излетных пуль.

Да, за рекой — не бой, а гром,
Но желуди о память бьются,
О край обрыва, как о бруствер,
Тогда, давно, в сорок втором.

Да, в этих пулях нет свинца,
Но ветер рвет юго-восточный
Донской ивняк... Я знаю точно:
Прорвался он сюда — с Донца.

СВО

Нерадостно стране родной,
Прогнавшей призрак коммунизма:
Все симулякры, эвфемизмы —
Вот хмурит лоб очередной.

Коль языки и племена
На Русский мир пошли войною,
Зачем нам мучиться виною?
Не нами выбрана война!

Генштаб, шлифующий слова,
И не по карточкам продукты...
А где, скажи, тот репродуктор —
С набатным: «Говорит Москва!»

В Москве (в Москве!) — не только там,
В европах — кривда загалдела,
И за попсою оголтелой
Не слышен людям Левитан.

И, хоть предание старо, —
В сороковых, тогда, представь ты:
В стране — ни Сталина, ни Ставки,
Ни сводок Совинформбюро...

Довольно русской лгать судьбе:
«Войны же нет, войну не троньте!»
Нам нужен лозунг «Все для фронта!» —
И репродуктор на столбе.

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

Трудно нам? Давай не будем
Нянчить жалобу свою.
Мы ведь пишем письма людям,
Ждущим, может, на краю.
В жизни первой и последней,
Где и совесть есть, и страх,
Каждый день их — край передний,
Каждый час и каждый шаг.
А в окопах и траншеях
Всякой жизни фронтовой
Сердце греет только шелест,
Шепот почты полевой!
Ладно, ладно! — пусть не только...
Но страничный шелест тот
Долгожданный — как он током,
Жарким током жизни бьет!
Не ничейно-постраничный,
Занятый самим собой,
А — до слез знакомый, личный,
С мирной, ждущею судьбой...
Разве лжет она, судьба та,
Если чуть сильнее нажим?

...Даже если из санбата
Пишет почерком чужим...

Та трава, что вдали, на могиле твоей...

А. Фет

Часто память — да, слишком прибрана:
Сразу поминки и парад.
... Что женился он — с верной прибылью,
Зря завистники говорят?

Эх, завистники! Не клеветеете,
А пинаете, как шпана...
Да, была жена! У помещика.
У помещика Шеншина.

Что хозяйствовал, что судействовал,
Быть изгоем он не хотел.
Не миндальничал, не злодействовал,
Не безумствовал — богател.

Это знается, это помнится,
Это Фетом стать норовит!
Только сад лунной снова полнится —
И рояль опять весь раскрыт...

И такая ночь сердцу дарится —
Счастьем, горем ли? — лишь одна.
И, клонясь к траве-бесприданнице,
Проклинает Фет Шеншина!

* * *

Ночевать одному, ночевать на реке,
От жилья, от жлобья, от жулья вдалеке.
В непролазных, глухих, неубитых местах,
Где дубовой листвы вороха в омутах.
Где течения речь в омутах так тиха,
Что по кругу, по кругу идут вороха!
И, от сердца уже ничего не тая,
Возвращается трудно на круги своя
Непокорной листвой отшумевшая жизнь...
Стылой веткой к суглинку обрывному жмись,
Не к огню, что огонь! — вспоминай, холодей;
Капли вскользь по брезенту — и стук желудей...
И не нужно дрожать, как не сбитый листок:
В каждой бронзовой пуле — не смерть, а росток...
Ночевать на реке, одному ночевать,
Степь, хоть краем, стелить — простыню и кровать.
И срастись с темнотою, ненавидящей мрак,
Чуя ток мурашей сквозь примятый кулак...

Поэзия живет вчерне...
А пухлый том с беловиками —
Как дом беленый на войне,
С периной и половиками.

Беленый дом, метеный дом,
Где рать вповалку не храпела.
Высокий чин ночует в нем —
И хром его, и портупея.

Он — не в строю уже... А строй,
Смурной, шагающий не в ногу,
Сто раз проклявший жребий свой,
Идет опять к передовой —
Мне без него — кранты, ей-богу!

* * *

Как бурьян бродячий, в балках рос,
В перелесках редких...
Рвать с плеча
 умел
 двустволку «ТОЗ»
Радостно и резко!

Как снега согреют зелена,
Русака тропил я.
А теперь — теперь тропит меня
Энтропия...

Не сдаюсь я — слишком норовист,
Выросший на воле!
И тяну я через белый лист,
Словно через поле.

Ни бурьяна тут, ни борозды,
Ни речной осоки...
Скрыться где? И путают следы
По-русачьи строки.

И скребут по стылой целине
С настом загрубелым...
И выводят все равно ко мне,
Черному на белом.

КОСИТ КТО-ТО ЛАТКУ ЗА ПЛОТИНОЙ...

Хутора ушли — а мы и рады?
...Старый пруд, кого он тем смутил,
Что так долго — не забавы ради! —
Позабытым стеклышком светил?

Высох он — и стих шумок моторный,
Звук шагов и поплавок шлепки.
И уже спорыш дороги торной
Стерла степь, как влагу со щеки.

Жили люди... Пели про Катюшу,
Про степного сизого орла...
Стихло все. А яблоны и груши
В плен орда терновая взяла.

Только кто-то — вряд ли для скотины,
Перевел ее давно народ —
Косит все же латку за плотиной,
И не первый, видно, косит год.

Все мы помним — скифство и хазарство,
Вон в музее — половецкий стан...
Косит кто-то — вряд ли для хозяйства;
Может, раньше песни пели там?

Будет где потом сойтись потомкам
Раз в году — и вместе, не тайком
Хоть поплакать — над рябиной тонкой,
Над в степи замерзшим ямщиком...

* * *

Ивану Щёлокову

Из дому уеду на полдня —
Так бумага рада... а родня!

Некому гундеть, нудить, черкать —
То НКВДеть, то ВЧКать.

Рифму за измену, ночь-полночь,
Голой к месту лобному волочь!

Почему невинность не блюла? —
Блоку снилась, в Болдино была...

...Рву судьбу на мелкие клочки.
Поводки вяжу, точу крючки.

Но и там — ни ока за полдня...
Бедная бумага... и родня!